

Эволюция применения термина «интерес» в теории международных отношений

М.А. Савельева

Реализм, либерализм и конструктивистский подход в теории международных отношений сравниваются в разрезе того, на каком уровне анализа применяется изначально разработанная экономистами концепция «интереса». Объектами анализа при этом являются контекст применения термина «интерес», механизмы его реализации и носители.

Понятия «интерес» и «национальный интерес» у всех на слуху. Они используются как в специализированной литературе по теории международных отношений, так и в публикациях средств массовой информации. Термин «интерес» активно задействован во всех основных парадигмах теории международных отношений в самых разных контекстах. Но что же описывается с помощью этих понятий? Есть ли консенсус среди теоретиков-международников по применению этого основополагающего для многих производных концепций термина? Насколько объективна апелляция к национальному интересу, когда правительство принимает определенные решения и проводит в жизнь ту или иную политику? В этой статье анализируется содержание «интереса» в различных его проявлениях в теории международных отношений.

В работе, посвященной анализу истоков термина «интерес» в социально-экономическом знании¹, автор приходит к выводу, что «интерес» — достаточно старая и изначально разработанная экономистами категория, по отношению к которой все другие способы употребления термина «интерес» являются производными. Термин «интерес» получил свое концептуальное наполнение в ходе развития классической и неоклассической экономической теории — в рамках модели «рационального максимизатора», предпочтения которого остаются неизменными и фиксировано заданными как внешний параметр модели. В таком контексте, интерес — это результат процесса оценки экономическим субъектом выгод и рисков

от того или иного решения проблемы на основе стабильных, медленно изменяющихся предпочтений. Выявление своего собственного интереса (self-interest) — неотъемлемая часть принятия индивидом любого экономического решения.

Современные гуманитарные науки, в особенности социология и психология, принимая во внимание значимость экономической деятельности индивида, рассматривают его жизнь в более широком контексте социально-исторических связей. Они встраивают человека и его интерес в контекст окружающей среды, живущей по правилам, насыщенной рисками и генерирующей огромное количество информации. Современные школы в теории международных отношений принимают за основу экономический или же социологический контекст, приходя, как следствие, к разным выводам относительно мотивов деятельности акторов мировой политики, о чем и пойдет речь в этой статье.

Интерпретации понятия «интерес» в теории международных отношений. Две основные «традиционные» парадигмы теории международных отношений — реализм и либерализм, — приняли предпосылки теории рационального выбора². При этом реалисты оперируют на макроуровне, и в фокусе анализа у них — государство-нация как унитарный актор, обладающий своими собственными «национальными» интересами. Либералы не признают за государством способности объективировать свои собственные интересы и иметь свои собственные предпочтения, поскольку только человек, индивид может быть носителем воли

■ Международные отношения

и иметь предпочтения. В либеральной парадигме скорее отвечают на вопрос, чьи интересы реализуют государства, чем озадачиваются разработкой способов защиты суверенитета. Сторонники пришедшего из социологии конструктивизма – относительно новой в теории международных отношений парадигмы, – отвечают на вопрос о том, как формируются интересы и как можно влиять на этот процесс.

Реализм и неореализм. Не станет преувеличением сказать, вслед за П.А. Цыганковым, что теория политического реализма сделала «национальный интерес» исходным пунктом своего анализа³. Один из отцов-основателей классического реализма Ганс Моргентау так характеризует основные параметры своей теории: «Национальный интерес – объективная данность. Он основан на своеобразии географического положения государства⁴ и вытекающих из этого особенностей его экономического, политического и культурного развития, с одной стороны, а также на особенностях человеческой природы – с другой. Поэтому «национальный интерес» представляет собой стабильную основу международной политики государства»⁵.

Очевидно, что реализм оперирует на макроуровне анализа. Кроме того, «интерес» государства жестко детерминирован его географическим положением, и поэтому неизменен – то есть, фиксирован за рамками основной модели, как и в экономической неоклассике. Изменение интереса возможно лишь в случае изменения географической территории государства или степени его обеспеченности другими природными ресурсами. Поскольку интерес неизменен или стабилен, то в рамках реализма не рассматривается механизм формирования и реализации интереса.

«Национальный интерес содержит два основных элемента: центральный (постоянный, описанный выше) и второстепенный (изменчивый). Второстепенный элемент представляет собой не что иное, как конкретную форму, которую коренной национальный интерес принимает в пространстве и времени. Центральный интерес состоит из трех составных частей:

- а) природы интереса, который должен быть защищен;
- б) политического окружения, в котором действует интерес;
- в) рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств⁶.

С этой точки зрения вклад Моргентау в создание теории политического реализма сопоставим с вкладом А. Смита в становление экономической теории: он формулирует основную модель реализма, которая остается в силе уже более пятидесяти лет. Этот теоретик описывает свое понимание интереса государства следующим образом: «национальный интерес вполне поддается рациональному осмыслению государственных деятелей. Интерес здесь – оценка вероятности и возможности воплощения того или иного политического сценария или плана. [...] Национальный интерес

кардинально отличается от «общественного интереса» тем, что он относится к сфере внешней политики государства»⁷. Таким образом, перед нами встает изложенная Моргентау модель поведения рационального государства, защищающего свой национальный интерес от рисков. Политик ретранслирует объективно существующий национальный интерес в определенную политику, осуществляемую в рамках анархии, где каждое государство само за себя. Налицо продолжение идей Гоббса по логике модели рационального поведения экономического индивида. При этом актор – безличное государство, почти «левиафан», а анархия по своим параметрам близка к идеальной конкуренции в экономической теории.

Неореалистическая системная теория К. Уолца, основателя системного неореализма, также основывается на предпосылках рациональности в поведении государств как унитарных акторов. По мнению этого автора, государства, не способные вести себя рационально, перестают существовать под действием интенсивной международной конкуренции⁸. Уолц наиболее прямолинейно относительно принимаемых предпосылок для создания своей системной теории международных отношений. «Давая определение системам, экономисты не спрашивают о типе организации и эффективности отдельных фирм и обмена между ними; и политологи не спрашивают об индивидуальности и интересах отдельных лиц, занимающих политические должности. Они оставляют в стороне качества, мотивы и взаимодействие акторов не потому что эти вопросы им не интересны и не важны. Но потому, что они хотят знать, каким образом на характеристики, мотивы и взаимодействие акторов влияет структура, как на решения фирмы воздействует рынок, и как поведение людей изменяется под влиянием занимаемого ими кресла⁹. Такая постановка вопроса правомерна для того круга задач, которые ставят перед собой реалисты. Однако известно, что не только структура влияет на агента, но и он своими действиями и решениями способен влиять на среду. Этот круг вопросов в реализме представлен фрагментарно именно в силу принимаемых сторонниками этого подхода основополагающих предпосылок.

По мнению А.П. Цыганкова, вполне совпадающего с пониманием термина «интерес» в неореализме, национально-государственный интерес включает следующие основные элементы:

- военную безопасность, предусматривающую защиту государственного суверенитета, конституционного строя и системы ценностей;
- благосостояние страны и ее населения, предусматривающие экономическое процветание и развитие.¹⁰

Поведение государства, таким образом, всегда направлено на две фиксированные цели: выживание и благосостояние. Возможность выбора того или иного варианта поведения (стратегии) ограничивается местом, которое занимает это государство в международной структуре. Если оно маленькое, то его политический и эконо-

мический вес мал и оно может только примыкать к более крупным игрокам, моделирующим с помощью коалиций или своего «рыночного» веса ситуацию анархии. При этом в неореализме сохраняется типичная для ранних реалистов логика игры с нулевой суммой, согласно которой приобретение большего веса в системе одним государством всегда приводит к снижению веса другого государства. Союзы и коалиции – вынужденная временная мера борьбы с конкурентами, а в «нормальном» случае поведение государств некооперативно¹¹.

Критика реализма развивается по нескольким направлениям. В 1971 году Грэхэм Аллисон¹² одним из первых создал модели организационного процесса и модель бюрократической политики для того, чтобы опровергнуть стандартные предпосылки рационализма в реализме, прежде всего то, что государство – это унитарный рациональный актор. Его модель организационного процесса подразумевает снижение рациональности по мере повышения уровня анализа¹³. Эта модель получила дальнейшее развитие в кибернетической теории Джона Штайнбрюнера, доказывающего, что большие организации сдерживают индивидуальную рациональность и ведут себя в соответствии со значительно упрощенными нерациональными правилами принятия решений¹⁴.

Модель бюрократической политики утверждает, что результат определенных политических решений можно рассматривать как равновесие, достигаемое в процессе двухуровневой игры¹⁵. Хелен Мильнер критикует, в русле либерализма, предпосылку о единоличии государства как актора в международной среде. Она утверждает, что внутренние политические процессы в каждом отдельно взятом государстве оказывают значительное влияние на выработку внешнеполитических решений. Стабильность внешнеполитических предпочтений определенного государства зависит от устойчивости и стабильности его внутренних институтов¹⁶.

Для получения комплексного понимания поведения государства достижения неореализма, связанные с формулировкой того, каким образом положение государства в системе международных отношений оказывает влияние на его действия, должны быть дополнены описанием процесса принятия решения на микроуровне анализа. То есть на уровне лиц, принимающих политические решения. В реализме этот уровень не рассматривается. Рассмотрение поведения государства как унитарного актора с помощью моделей, созданных для применения на микроуровне экономического индивида, ведет к усиливающейся критике реалистических концепций со стороны других школ теории международных отношений и альтернативных рационализму подходов.

Мнимое родство между моделями рационального выбора и традиционным государственно-центристским взглядом на международную политику, в совокупности с привнесением в нее

теории игр, до недавнего времени изолировало теорию международных отношений от все более агрессивного конфликта между сторонниками рационального выбора и его критиками в других социальных науках. Если принять предпосылку о фиксированных предпочтениях основных политических игроков (или представителей групп-интересов) и о фиксированных институционально правилах игры, интерпретировать национальные интересы и поведение в рамках рационализма намного более убедительно, чем когда речь идет об обстоятельствах, в которых институциональные правила постоянно и непредсказуемо изменяются¹⁷.

На протяжении последних десяти лет реализм находится под постоянной атакой зарождающейся парадигмы конструктивизма¹⁸. Усилия последнего направлены на исследование ситуации неопределенности в международной среде и ее последствий для поведения отдельных акторов. Неспособность неореализма и теории игр обойти стороной сложность процесса принятия политических решений заставила многих аналитиков международных отношений вернуться заново к переосмыслению проблемы «веса» идей и убеждений в определении политического курса¹⁹. Свой вклад в общую теорию политических решений внесли либерализм и конструктивизм.

Либерализм и институциональный либерализм. Оппоненты реализма отказались принимать на веру самое главное в нем – объективность содержания «национального интереса»²⁰. Теоретики либерально-идеалистической парадигмы и вдохновляющиеся их идеями практики готовы согласиться с существованием «национальных интересов». Но соглашаются на это только при условии, что их содержанием должны быть признаны моральные нормы и глобальные проблемы современности²¹. Представители либерального направления в теории международных отношений склонны употреблять понятие «интерес» в его изначальном экономическом смысле. Они не привязывая его к государству, но сохраняют экономическое толкование интереса применительно к лицам и объединенным общими экономическими интересами группам, принимающим политические решения. Государство для сторонников либерального подхода – важнейший, но при этом один из многих акторов, принимающих участие в различных процессах в международной политико-экономической среде.

Главной предпосылкой модели «интереса» в трактовке либеральной школы является то, что «отношения между государствами и окружающими внутренним и транснациональным обществами, в которые государства интегрированы, критичным образом определяют поведение государств путем оказания влияния на социальные цели, лежащих в основе предпочтений государств»²².

Речь в таком случае идет о феномене, получившем в либерализме название взаимозависимости акторов в системе международных

отношений. А. Моравчик дает развернутую характеристику основных предпосылок, на основе которых строится либеральная парадигма в ТМО:

1. Главенство общественных акторов.

Основными акторами международной политики являются индивиды и частные группы, по большей части рациональные и не склонные к риску, которые организуют обмен и совместные акции в целях продвижения дифференцированных интересов, будучи ограниченными недостаточностью ресурсов, конфликтующими ценностями и различиями в общественном влиянии. Социально дифференцированные индивиды определяют свои материальные и идеологические интересы независимо от политики и после этого продвигают эти интересы через политический обмен и коллективные действия.²³

2. Представительство и предпочтения государства. Государства (или другие политические институты) представляют некоторую часть находящегося в пределах этого государства общества, на основе интересов которой государственные деятели определяют предпочтения государства и целеустремленно действуют в мировой политике.

3. Взаимозависимость и международная система. Конфигурация взаимозависимых государств определяет поведение государства. Каждое государство стремится реализовать собственные дифференцированные предпочтения в условиях различных ограничений, наложенных предпочтениями других государств. Взаимозависимость политик – это определенное соотношение издержек и выгод, созданное для населения других стран в момент, когда доминирующие социальные группы в первом государстве пытаются реализовать свои предпочтения.²⁴

В отличие от реалистической, либеральная парадигма считает склонность международных акторов к сотрудничеству естественным следствием существующей между ними взаимозависимости. Наличие конкуренции в разных сферах, различная степень наделенности акторов ресурсами, а также возможность лучшего совместного результата, чем если бы они действовали по отдельности, в некоторых ситуациях ведет к сотрудничеству между акторами. Одной из форм такого сотрудничества являются международные режимы как особый тип социально-политического института.

В теории международных режимов Р. Кохейн четко обозначает основные предпосылки, разделяемые большинством ученых либеральной школы. «Акторы, чье поведение анализируется, в общем случае ведут себя как рациональные максимизаторы полезности, то есть они демонстрируют постоянную склонность к адаптации к внешним переменам таким образом, чтобы постоянно происходил рост ожидаемой выгоды от достигаемых результатов. Во-вторых, ме-

ждународные режимы – это инструменты для ускорения достижения соглашений между этими акторами. Условием работоспособности этой теории (то есть, чтобы режимы формировались) является наличие *достаточных взаимодополняющих интересов*, таких, чтобы были возможны соглашения, дающие преимущество всем основным акторам- членам режима²⁵.

В вышеупомянутом институционалистском либеральном подходе придается особое значение ограничивающе структурирующей функции социальных, политических, экономических институтов в формировании политики. На настоящий момент наиболее аналитически сильной и последовательной школой является *rational choice* институционализм. Вклад сторонников этого вида институционализма состоит в том, что, применив экономическую теорию заполнения провалов рынка к анализу международной среды, они доказали: режимы выполняют функцию отсутствующего международного правительства. Институт для сторонников этой школы – механизм восстановления, поддержания или изменения рыночного равновесия, своеобразный механизм сдержек и противовесов для рыночных субъектов. Институционалисты также сильны разработкой оценки сдерживающей реформу и принятием идеологически новых политических решений роли институтов. К сожалению, то, в какой ситуации политические акторы предпочтут смену институтов переменам внутри уже действующих институтов, редко сколько-нибудь четко обозначено в теориях институционализма²⁶.

Изыскания институционалистов о роли идей²⁷ и когнитивных процессов (таких, как обучение) в процессе принятия решений также очень интересны. Это связано в первую очередь с тем, что многие новые для ТМО концепции пришли в институционализм из современной социологии. Такие наработки часто находятся в одном предметном поле с исследовательскими проблемами, которые ставят перед собой сторонники социального конструктивизма.

Поскольку большинство теорий, созданных в рамках либеральной парадигмы, носят системный характер и построены на основе теории рационального поведения, в них отсутствует четкое описание механизма взаимного влияния предпочтений одного актора на предпочтения другого, или на взаимное изменение их интересов. Как и К. Уолц, основоположник либерализма в ТМО Роберт Кохейн подчеркивает, что «системный фокус позволяет ограничивать количество переменных, которые следует принимать во внимание. Попытка с самого начала учитывать как факторы уровня международной политики, так и системные переменные быстро привела бы к трудностям описания модели и теоретической анархии»²⁸. Предпочтения и интересы важны для построения теории, но в рамках основной модели не исследуются.

Постепенный отход в сторону социологической концепции интересов отражается в том,

что предпочтения акторов изменяются под влиянием предпочтений других акторов, а не остаются неизменными за рамками основной модели. Однако, лишь в теории принятия политических решений, по своей сути более близкой к политологии, чем к ТМО, а также в относительно недавно заявившем о себе конструктивизме подробно изучаются механизмы формирования предпочтений лиц, принимающих политические решения. Одновременно исследуется и то, как эти предпочтения сказываются на принимаемых решениях и политике в целом.

Социологическая парадигма в ТМО – социальный конструктивизм. Сторонники социологического подхода в теории международных отношений настаивают на том, что интерес и методы его реализации на любом уровне анализа являются социально конструируемым явлением. Они утверждают, что человеческое поведение по своей природе нерационально и происходит в рамках норм и социальных институтов, которые оказывают непосредственное воздействие на его формирование. Интерес – не врожденное свойство индивида, как не является врожденным свойством человеческой природы максимизация личностного благосостояния. Есть убедительные доказательства того, что эгоистический интерес как важный мотивирующий индивида фактор в западном мире представляет собой социальную конструкцию, специфическую для определенного периода истории, которая возникла только после того, как концепция индивида заняла приоритетное место относительно концепции коммуны.²⁹

Социальный конструктивизм концентрирует внимание на социальных явлениях мира. С точки зрения конструктивиста, эти социальные факты существуют только потому, что все соглашается с тем, что они существуют. Социальные факты очень реальны, и они представляют собой продукт межсубъективных (коллективных) убеждений или идей, которые не могут быть сведены к нескольким либо суммарным индивидуальным убеждениям. Предпочтения индивида социально конструируемы. Идеи, разделяемые несколькими людьми (*intersubjectively shared ideas*), определяют их поведение путем формирования идентичностей и интересов акторов.³⁰

По мнению Александра Вендта, именно коллективные смыслы являются составными частями структур, которые организуют наши действия.³¹ Идентичности – основа интереса. Акторы не располагают портфолио интересов, которое они несут с собой вне зависимости от социального контекста. Напротив, они определяют свои интересы в процессе составления характеристики ситуации.³² Интерес в модели конструктивистов является зависимой переменной, изменяющейся под воздействием различных социальных факторов. Интересы нескольких индивидов аккумулируются на межсубъектном уровне. Так, институты – достаточно стабильный набор или структура идентичностей и интересов. Такие структуры часто кодируются в виде

формальных правил и норм, но эти формальные правила приобретают силу мотивации только при условии социализации и участия акторов в коллективном знании³³. Интересы формируют институты, которые, в свою очередь, оказывают сдерживающее воздействие на способ продвижения интересов.

Другим примером конструктивистской логики может быть «настроенность» на конкуренцию. Конкуренция, так же как и интерес, – не генетически заложенный в человека механизм, а социально-конструируемый способ поведения, также, как и стремление к обогащению. Конструктивисты своими исследованиями доказали, что люди сами задали себе те правила игры по интересам и в конкуренцию, на которых, как нам представляется, всегда стояло мироздание. Они доказали, что миром правят идеи, источником которых являются люди³⁴. Люди придумали общественный договор, придумали государство, а структура – это то, что мы знаем о ней и то, во что мы верим относительно этой структуры. Следовательно, человек может изменить мир, изменив себя и свои мысли.

Интересы акторов сконструированы, а не определяются материальными условиями. Они основываются на коллективных смыслах, зафиксированных в общественных договорах и практиках. В ситуации неопределенности взаимное понимание акторами общих для всех них принципов функционирования среды ведет к стабильности и способности акторов достичь общего подхода к решению проблемы³⁵.

С инструментальной точки зрения, делая акцент на значении и роли идей и информации как самостоятельных факторов, влияющих на среду и структуру, сторонники конструктивизма настаивают на том, чтобы лица, ответственные за решения, активно использовали такие «мягкие» ресурсы, как управление информацией, обучение и производными от них инструментами.

Инструментальное наполнение внешне-экономической политики рассматривается в подразделе теории международных отношений – международной политической экономии (МПЭ). До недавнего времени информационно-идеологические факторы не рассматривались в рамках данной дисциплины в качестве важных или влиятельных при формировании экономической политики страны на глобальных рынках. МПЭ была поразительно невосприимчива к влияниям из социологии. Коллективные верования, придающие смысл окружающему миру, отсутствовали как предмет анализа в МПЭ. Действительно, МПЭ – последний бастион материалистов и рационалистов, которым пришлось поделиться интеллектуальным полем на всех остальных направлениях анализа.³⁶ Сейчас и эта область знания подверглась серьезному анализу со стороны конструктивистов. Их исследования в области МПЭ дополняют общую конструктивистскую парадигму. Ход критической мысли строится, в том числе, и вокруг опровержения рациональ-

ности в условиях неопределенности.

Марк Блиф и его коллеги говорят о том, что рациональность в принятии решения достигается только при выполнении условия о том, что агенту известен полный спектр возможных решений и их последствий. Выполнение этого условия маловероятно и, скорее всего, встречается редко в политике. Если информация по-разному перерабатывается разными акторами, или если информация неравномерно распределена, интересы не могут определяться структурным положением агента и не могут рассматриваться как заданные.³⁷

Концепция интереса предполагает наличие не признаваемых открыто, но очень важных родственным интересам категорий, таких как потребности, убеждения и желания. Эти родственные категории аналитически неотделимы от интересов и должны считаться частью концепции интереса как таковой. Если применить эту точку зрения, определение интереса актора не сводится к распознаванию воздействия на него структуры³⁸, но к пониманию его потребностей, опосредованных в убеждениях, желаниях и более широком социальном контексте поведения. Интересы – это социальные конструкты. Рави Абделал и Марк Блиф пишут о том, что «нужно воспринимать то, чего хочется, как конструкцию, а не материально обусловленный рефлекс, потому что мы хотим того, чего мы хотим, из-за того, как мы об этом думаем, а не в виду внутренних характеристик желаемого объекта»³⁹.

Конструктивисты подчеркивают, что ситуации неопределенности⁴⁰ качественно отличаются от ситуации риска. В ситуации неопределенности интересы должны рассматриваться как конструируемые. Джон Кейнс был первым, кто заметил, что в условиях постоянной неопределенности стабильность возникает путем создания общих представлений о способе работы рынков, так называемых рыночных конвенций. Как отметил Франк Доббин, «конвенции в широком смысле – это поведенческие сценарии на коллективном уровне, которые управляют действием».⁴¹ В МПЭ конвенции – разделяемое агентами понимание того, каким образом устроена экономика и как она работает в нормальных условиях. Конвенции – самоподдерживающиеся, разделяемые в обществе идеи и нормы, которые координируют ожидания экономических агентов. При этом эти конвенции воспроизводятся действиями агентов по ходу времени. Поэтому продвижение экономической стабильности зависит от координации ожиданий экономических агентов путем сохранения таких конвенций.⁴² Остается открытым вопрос, каково соотношение в мировой политике ситуаций риска, где применима «обычная» рациональная логика, к ситуациям неопределенности, в которых интересы изменяются наряду с обстоятельствами.

В противовес рационально-материалистическому подходу, конструктивистская МПЭ утверждает следующее: ожидания и коллективные

представления экономических агентов создают отношения зависимости в экономике путем изменения собственных представлений агентов об интересах других агентов, от которых зависит реализация их собственных коллективно конструируемых интересов. Вот почему то, будет ли какая-то конвенция считаться правильной или нет, зависит от того, насколько широко она распространена.⁴³

Нормы, которыми управляется международная экономика, часто constitutive – то есть, они приводят к определенным выводам относительно того, какое состояние экономики подразумевается, если проводится определенного вида экономическая политика. Эти нормы часто неформальны. Их легитимность определяется в ходе взаимодействия рынка и государств⁴⁴. Существует три основных механизма, которые позволяют конструировать идентичность и поведенческие нормы: убеждение, социализация и манипуляция.⁴⁵

Здесь стоит отметить, что представленная конструктивистами логика и механизмы формирования предпочтений, которые они задействуют в своих теориях, практически идентична последним разработкам институционалистов, таких, как Дж. Кэмпбел. Три основных механизма формирования норм поведения институционалисты дополняют образованием.⁴⁶ Дальнейшее взаимообогащение и, возможно, постепенное сращивание этих двух школ в ТМО, на наш взгляд, неизбежно.

В ходе проведенного анализа мы обнаружили, что в рамках рационализма в теории международных отношений моделируются в основном ситуации риска. При этом в политическом реализме наблюдается отсутствие формулировок действенных механизмов перехода с микро- на макроуровень анализа и ретрансляции объективных интересов государства на уровень лиц, принимающих политические решения. В либерализме носителем интереса является индивид, а над решением выше обозначенной проблемы ведется работа сторонниками теории политических рынков, общественного выбора⁴⁸ и бюрократической политики⁴⁹.

По мнению Майлза Калера, методологическая слабость, состоящая в «излишне простом переходе с уровня индивида на уровень коллектива или группы (collective action problem)» объединяет рациональные и нерациональные подходы к анализу процесса принятия решения⁵⁰. Решение этой проблемы активно дискутируется в рамках социологического подхода к ТМО и институционализма. Вероятно, для дальнейшего обогащения знаний потребуется интеграция в теорию международных отношений моделей интер- и интра-группового взаимодействия, разработанных в социологии. Дальнейшее взаимопроникновение политологической теории принятия решений и социологических моделей стоит только приветствовать.

Таблица 1

Основные параметры теорий международных отношений относительно концепции «интерес»

Парадигма в ТМО	Политический реализм	Либерализм	Конструктивизм
Основной вопрос	Как среда определяет поведение государства?	What is policy?	Какие социальные факторы воздействуют на policy-making?
Методология и уровень анализа	Методологический холизм; системный подход, макро-уровень	Методологический холизм и методологический индивидуализм, в зависимости от решаемой задачи	Методологический индивидуализм, микро-уровень
Носитель интереса (main acting agent)	Рационально действующее государство	Рационально действующие ЛППР ¹ , экономические группы, партии, в меньшей степени государство	ЛППР, социальные группы
Отношения агент-структура (Agent– Structure Relationship)	Политика государства в международной среде определяется его позицией в структуре	Международные режимы и институты способствуют сотрудничеству акторов в МО, ограничивая свободу выбора политического	
Модель конкуренции	Анархия = конкуренция с использованием преимущественно некооперативных стратегий	Конкуренция с применением преимущественно кооперативных стратегий	Управляемая конкуренция, ее тип согласовывается участниками рынка
Степень определенности контекста или ситуации	Ситуация риска	Ситуация риска, управление риском как нормальной для рынка ситуацией, в том числе и в условиях информационной недостаточности	Ситуация неопределенности, в которой не существует решений по исторической аналогии
Концепция интереса	«Национальный» интерес = объективно существующий государственный интерес; определяется как фиксированная за рамками основной модели переменная, состоит из военной безопасности (выживание государства) и экономического благосостояния государства	Интерес субъективен, четко не определяется, поскольку остается за рамками основной модели; при этом интерес – основной мотивирующий фактор в поведении индивида или ЛППР, отражающий его предпочтения (как у рационального максимизатора в неолиберальной экономической теории)	Интерес индивида – социально конструируемые объективированные предпочтения личности; интерес формируется и изменяется под влиянием окружающих людей, образования, внушения и т.д.
Механизм реализации интереса	Максимизация полезности на основе оценки вероятности	Максимизация полезности на основе оценки вероятности	Интерес продвигается путем воздействия идей на восприятие индивида – через образование, социализацию, пропаганду и с помощью других «мягких» инструментов
Тип действия в отношении интереса	Защита «национальных интересов»	Реализация, преследование и соблюдение собственного эгоистического интереса актора	Продвижение интереса актора
Основной тип взаимодействия акторов	Война, конфликт, игра с нулевой суммой	Обмен и сотрудничество	Создание разделяемых всеми участниками конвенций, изменение интересов других акторов к своей выгоде
Подход к анализу процесса принятия политического решения ⁴⁷	Выбор решения осуществляется единым и рационально мыслящим лидером на основе национального интереса	Теория политических рынков: решение рассматривается как результат торга – сложной игры между членами бюрократической иерархии, правительственного аппарата и т.д., каждый представитель которых имеет свои интересы, свои позиции, свои представления о приоритетах внешней политики государства.	ЛППР находятся в сложном окружении и располагают неполной ограниченной информацией. Кроме того, они не в состоянии оценить последствия того или иного выбора. В такой обстановке им приходится расчленять проблемы, редуцируя используемую информацию к небольшому числу переменных
Ситуация в мировой политике, в которой эта группа теорий наиболее применима	Ситуация конфликта и конфронтации, борьба за относительные выгоды	Сотрудничество по поводу решения общей проблемы для достижения абсолютных преимуществ	Ситуация структурных изменений в международной среде, характеризуемая высокой степенью неопределенности

¹ЛППР – лица, принимающие политические решения

Заключение. Существующий подход к определению категории «национального интереса» в политическом реализме представляет собой результат произвольного переноса изначально разработанного в рамках методологического индивидуализма, свойственного основному направлению неолиберальной экономической теории, термина «интерес индивида» на макроуровень государства. Политическими реалистами был взят за основу холистический подход к государству, типичный для истории, военной стратегии и геополитики. В ходе развития содержания теоретических концепций реализма государство было наделено ими свойствами и признаками экономического индивида – интересами, рациональностью, агрессивностью и т.п. Для объяснения поведения государств на международной арене были применены ранее разработанные экономистами модели анализа поведения экономических субъектов. Вместе с моделями были заимствованы, практически без адаптации к политическому содержанию процесса, и основные предпосылки, на основе которых экономисты выстраивали эти модели.

При этом, государство в течение долгого времени, вновь в силу холистской методологии реализма, рассматривалось ими не как социальная или какая-то иная общность или сумма отдельных личностей и групп, а как единое целое. Сочетание двух категорий, рожденных на разных уровнях анализа и абстракции – «государства» и «интереса», – привело к тому, что категория «национального интереса» или «интерес нации-государства» в течение долгих лет остается камнем преткновения и объектом споров. И не только между представителями различных школ ТМО, оперирующими интересами профессионально, но и в практической сфере государственной политики. Может ли субъект – в данном случае государство, – не обладающий единым разумом, иметь единый объективный интерес? Вот главный вопрос, на который реалисты отвечают положительно, а все остальные – отрицательно.

Вслед за экономистами, сторонники либеральных взглядов считают, что интерес как осознанное предпочтение, присущ, прежде всего, индивиду, принимающему, в том числе, политические решения на основе рациональной логики. При этом стоит подчеркнуть, что именно рациональная основа объединяет подходы реалистической и либеральной школ к определению интереса в ТМО. Однако признание рациональности поведения различных акторов не является достаточным основанием для полного снятия противоречий между сторонниками этих двух подходов в понимании роли, которую играет интерес в политических решениях. Несмотря на то, что либералы не признают научного содержания за термином «национальный интерес», их точка зрения не является на сегодняшний день доминирующей. К национальному интересу по-прежнему апеллируют заинтересованные в активизации государственного интереса политики.

Сторонники либеральной парадигмы придерживаются рационализма со смягченными постулатами рациональности. Международная среда характеризуется взаимозависимостью различных акторов, к которым относятся и «не государства». Хотя российская историография относит институционалистов к общей группе неолибералов в ТМО, на Западе их выделяют в отдельную подгруппу в силу наличия в их теориях яркого дифференциатора – роли, которую они приписывают общественным институтам и идеям в формировании внешней политики акторов международной среды.

Институционалисты и конструктивисты в ТМО иначе определяют саму природу интереса. Они считают интерес социально детерминированным, а не врожденным, и, следовательно, меняющимся под влиянием различных факторов и обстоятельств. Так, интерес индивида изменяется под воздействием новых идей, информации, норм и других институтов в широком понимании этого термина. Однако, несмотря на близость их последних теоретических изысканий, институционалисты, верящие в принцип рациональности, отстоят от конструктивистов, которые смогли успешно проанализировать процесс формирования предпочтений и интересов, но пока не выработали простой в практическом анализе модели этого процесса.

Осознав в ходе своих исследований, что определенное понимание своего интереса индивидом закладывается социально конструируемой, воспитываемой логикой поведения, конструктивисты еще раз подчеркнули важное значение таких инструментов, как управление информационными потоками, рейтинги, пропаганда во внешней и внутренней политике государств. Разработанный в рамках лингвистического конструктивизма метод деконструкции весьма интересен для анализа уже принятых решений. С другой стороны, обратная логика позволяет конструировать определенные решения, с учетом реакции на них целевых аудиторий в рамках инструментария PR. Дальнейшее изучение политических и экономических механизмов реализации и продвижения интересов на разных уровнях анализа позволит, на наш взгляд, существенно расширить современное понимание процесса принятия политических решений и формирования стратегий различных акторов мировой политики.

Savelieva M. Evolution of use of the term "interest" in the theory of the international relations

Summary: The article compares realist, liberal and constructivist paradigms in theory of international relations in terms of what level of analysis scholars belonging to each paradigm apply to the originally created by economists concept of "interest." Mechanisms for interest realization, bearers of interest and context which surrounds the usage of this term – are the main objects of the author's analysis.

Ключевые слова

теория международных отношений, конструктивизм, либерализм, реализм, концепция «интереса»

Keywords

theory of international relations, realism, liberalism, constructivism, concept of "interest."

Примечания

1. Савельева М.А. Истоки термина «интерес» в социально-экономическом знании. Неопубликованная работа, 2008.
2. Kahler, Miles. Rationality in IR. *International Organization*, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), Pp. 920.
3. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, – 2002. – С. 289.
4. Здесь, на наш взгляд, есть прямая ссылка на геополитику.
5. Моргентгау. Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир. // Социально-политический журнал. – 1997. – №2. Первое издание вышло в 1948 году.
6. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, – 2002. – С. 295.
7. Там же, С. 290-291.
8. Kahler Miles, Rationality in International Relations. *International Organization*, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), P.930.
9. Waltz, Kenneth. 1979, *Theory of International Politics*. McGraw-Hill. New York, P.81.
10. Там же, С. 301.
11. См. первую колонку в Таблице основных параметров теорий международных отношений относительно концепции «интерес» – далее по тексту статьи.
12. Allison, Graham. 1971. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. 1971. Little, Brown
13. Kahler Miles, Rationality in International Relations. *International Organization*, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), P. 931.
14. Там же.
15. Идея двухуровневой игры принадлежит авторству Р. Патнама: Putnam Robert D. *Diplomacy and Domestic Policy: The Logic of Two-Level Games*. *International Organization*, Vol. 42 No. 3 (Summer 1988), Pp.427-460.
16. Milner, Helen. *Interests, Institutions and Information*. Princeton, NJ: Princeton University Press. – 1997, P.420.
17. Kahler Miles, Rationality in International Relations. *International Organization*, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), P. 932.
18. *Constructivism and International Relations: Alexander Wendt and his Critics*. // Ed.by Stefano Guzzini, Anna Leander, 2006. Antony Rowe Ltd., Chippenham, Wiltshire, – 2006 – 276, P. 2.
19. См. Axelrod, Robert and Robert O. Keohane. 1986, *Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions*. In *Cooperation under Anarchy*, edited by Keneth A.Oye. Princeton, N.J.: Princeton University Press, P. 229; Jervis, Robert. 1988. *Realism, Game Theory and Cooperation*. *World Politics* 40:317, P.317-319; *Organization* 50,1, Winter 1996, P.69.
20. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, – 2002. – С. 292.
21. Там же, С. 293.
22. Moravcsik A. A Liberal Theory of International Politics, P. 35. Цит. по: and Cohen J. Benjamin. *Theory and Structure in International Political Economy*. An *International Organization Reader*, MIT Press: Cambridge Massachusetts and London, 1999.
23. Ibid.
24. Ibid, P. 37-38.
25. Keohane, Robert O. The demand for international regimes, *International Organization* 36,2, Spring 1982, P.331.
26. Kahler Miles, Rationality in International Relations. *International Organization*, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), P. 932.
27. Yee Albert S. The Causal Effect of Ideas on Politics. *International Organization*, Vol. 50, No. 1, (Winter) 1996, Pp. 69-108, а также Campbell (2004) и другие его работы.
28. Keohane, Robert O. The demand for international regimes, *International Organization* 36,2, Spring 1982, P.328.
29. Hirschman, Albert O. *The Passions and the Interests*. Princeton: Princeton University Press. 1997. // Цит. по Campbell John L. *Institutional Change and Globalization*. Princeton University Press, 2004.- P. 91.
30. Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. *Constructivist Political Economy*, January 14, 2005 (Web-publication). – P. 2.
31. Wendt Alexander. *Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics* (1992) in: Lipson, Charles and Cohen J. Benjamin. *Theory and Structure in International Political Economy*. MIT Press, London, 1999. – P.81.
32. Там же P.82.
33. Там же P. 83.
34. Другие примеры См. работах Ruggie, John. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge. *International Organization*, Vol.52? No.3, Autumn 1998, Pp. 855-885. и Fligstein Neil, *Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions*. *American Sociological Review*, Vol. 1 No. 4 (Aug. 1996), Pp.656-673.
35. Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. *Constructivist Political Economy*, January 14, 2005 (Web-publication). – P. 13.
36. Ibid, P. 2.
37. Там же, С.5.
38. Здесь авторы явно ссылаются на распространенное в неореализме убеждение.
39. Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. *Constructivist Political Economy*, January 14, 2005 (Web-publication). – P.13.
40. Kight, Frank. Risk, Uncertainty and Profit, 1921 – Цит. по Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. *Constructivist Political Economy*, January 14, 2005 (Web-publication). – С.14.
41. Frank Dobbin, "The Sociological View of the Economy," in *The New Economic Sociology*, ed. Frank Dobbin. - Princeton, N.J.: Princeton University Press, – 2004.
42. Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. *Constructivist Political Economy*, January 14, 2005 (Web-publication). – P.21.
43. Keynes, John Maynard. *The General Theory of Employment*, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 51, no. 2 (1937), Pp. 213-4. Цит по выше указ. сочинению. – С. 24 и далее.
44. Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. *Constructivist Political Economy*, January 14, 2005 (Web-publication). – P.23.
45. Ibid, P.30.
46. Campbell John L. *Institutional Change and Globalization*. Princeton University Press, 2004.
47. Braillard Ph., Djalili M.-R. *Les relations internationales*. P., 1988. Цит. по: Цыганков П.А. Теория международных отношений. – С. 70.
48. Из отечественных экономистов часто обращается к теории общественного выбора в качестве инструмента анализа. Например, см. Афонцев С.А., Методологические основы современного экономико-политического анализа, // Истоки, выпуск 3. М.: Высшая школа экономики, – 1998 и др. его работы.
49. Цит. по: Цыганков П.А. Теория международных отношений, – М.: Гардарики, – 2002., С. 70.
50. Kahler, Miles. Rationality in International Relations. *International Organization*, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), P.922.